

Научная статья

УДК 130.2 + 165.1

doi: 10.17223/1998863X/67/3

СПЕЦИФИКА ПОЗНАНИЯ ПОСТСОВРЕМЕННОГО СУБЪЕКТА НА ФОНЕ ЦИНИЧЕСКОЙ УСТАНОВКИ СОЗНАНИЯ

Ангелина Валерьевна Гукова

*Томский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук, Томск, Россия,
angelina.gukovaa@yandex.ru*

Аннотация. Предпринята попытка реконструировать эпистемические стратегии современного субъекта, проблематизированного в контексте спорадически усложняющегося социокультурного устройства. Показано, что познавательная стратегия связана с установкой субъекта на минимизацию психоэмоциональных трат и осуществляется как особым образом явленный модус деконструкции, разворачивающийся на фоне цинической установки сознания.

Ключевые слова: постсовременность, информация, цинизм, деконструкция, постправда

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 18-18-00057, <https://rscf.ru/project/18-18-00057/>

Для цитирования: Гукова А.В. Специфика познания постсовременного субъекта на фоне цинической установки сознания // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 67. С. 27–00. doi: 10.17223/1998863X/67/3

Original article

THE SPECIFICS OF COGNITION OF A POSTMODERN SUBJECT AGAINST THE BACKGROUND OF A CYNICAL ATTITUDE OF CONSCIOUSNESS

Angelina V. Gukova

*Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Tomsk,
Russian Federation, angelina.gukovaa@yandex.ru*

Abstract. The variety of connotations related to modern society indicates the incredible difficulty in determining the properties and characteristics of the current sociocultural reality. One of the most revealing characteristics is an indication of total hyperinformatization, accompanied by a change in the conceptual status of “knowledge” and a specific convergence of “knowledge” and “information”. Information becomes a constant element of everyday interaction, as a result of which the subject, living in a sociality that is constantly becoming more complex, has a need for its own epistemological strategies for dealing with information. At the same time, the subject itself is undergoing changes associated with rapidly growing changes in the social field and the impossibility, in connection with this, to find a stable basis for building one’s own subjectness. The article attempts to characterize the cognitive strategy of the postmodern subject against the background of the unfolding cynical attitude of consciousness, designed to compensate for the “trauma” and “split” of such consciousness. In connection with this, the cognitive strategy is associated with the subject’s attitude to minimize psycho-emotional costs and unfolds as a special way, a manifest mode

of deconstruction. Deconstruction, therefore, is understood as a simplification and modification of social reality to the point where cost minimization is possible. The article shows that such deconstruction is based on the reduced expectations of the individual regarding hidden motives in the behavior of the Other, on the basis of which one “reassembles” the social reality for oneself and creates a “story”, in which one constructs an understanding of “truth-for-itself”. Thus, the ontological statuses of the concepts “truth” or “falsehood” will not be of fundamental importance for the subject, since it will rely on the clarity and definability of these settings for itself. The very concept of “knowledge” becomes synonymous with the concepts of “convenient”, “acceptable” and “relevant”.

Keywords: postmodernity, information, cynicism, deconstruction, post-truth

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 18-18-00057, <https://rscf.ru/project/18-18-00057/>

For citation: Gukova, A.V. (2022) The specifics of cognition of a postmodern subject against the background of a cynical attitude of consciousness. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 67. pp. 27–00. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/67/3

Субъект как актор познания – необходимая сторона «субъект-объектной» оппозиции в классической эпистемологической позиции. Говоря о субъекте, Г.В.Ф. Гегель указывал на то, что исследовать сознание в отрыве от социальных условий – форм проявления этого сознания – невозможно [1]. Так, одной из проблем современной эпистемологической традиции является проблематика субъекта как постоянно трансформирующегося и изменяющегося концепта, включающего в себя индивидуально-психологические характеристики, социальные аспекты, конструирующие сам каркас индивидуального и даже социального пространства. Сложно обойтись без включения всех этих аспектов в поле исследования, посвященного проблеме понимания и познания, осуществляемых субъектом. Социальный субъект является продуктом интерсубъективной коммуникации, социальных структур и т.д. В данной статье мы попытаемся ответить на вопрос, каков контекст той ситуации, в которой возникает и действует современный субъект, как можно характеризовать такого субъекта и какие познавательные стратегии он может реализовывать в процессе своего взаимодействия с постсовременной организацией социокультурной среды.

Обилие маркировок – «постмодернистское», «информационное», «Новое Средневековье», и т.д. – свидетельствует о чрезвычайном разнообразии в выборе точек опоры для указания на специфику современности. Вслед за множественными коннотациями и обозначениями, призванными описательно и онтологически охарактеризовать все многообразные и, зачастую, противоречивые черты актуального общества, стоит еще раз отметить высвечивающуюся проблему субъекта, вынужденного ориентироваться и жить в указанном, по меткому замечанию Ж. Делеза и Ф. Гваттари, «ризоматическом» поле [2]. Подобное положение дел не может не наводить на мысль о том, что субъект, конструируемый подобным социальным порядком, вынужден реагировать на все сложившиеся изменения, подстраиваясь, адаптируясь или сосуществуя с постоянно изменяющейся и переопределяющей себя реальностью, в которой важное место занимают *информационные процессы*, приводящие к изменению статуса такого понятия, как «знание», и к определенной концептуальной конвергенции «знания» и «информации».

Так, Ж.Ф. Лиотар характеризует постсовременность как «недоверие в отношении метарассказов» [3. С. 10], к которым он причисляет, например, «герменевтику смысла», «диалектику Духа» и т.д. Слова Ж.Ф. Лиотара можно трактовать как указание на установку, пронизывающую и определяющую постсовременную эпоху как особую реакцию на кризис легитимации, возникающий в позднем модерне в связи с нарастающим недоверием к подобного рода организующим объяснительным системам. В работе «Состояние пост-модерна» автор фиксирует изменение статуса знания, связанное с распадом механизмов легитимации, обусловленным рядом обстоятельств, среди которых можно отметить изменение взаимоотношений между наукой, обществом и производством, травматические события XX в., ведущие к пересмотру значимости и смысла метарассказов, которые утрачивают свои легитимирующие функции. Следует заметить, что уже здесь, по мысли автора, проблема легитимации выходит за пределы исключительно научных языковых игр, поскольку распространение и потребление информации становится одним из основных социальных факторов и переходит в поле повседневного взаимодействия.

Сложившийся новый тип современной реальности характеризуется изменившимся значением экономики, которая выступает как структурирующая сила и описательная среда для многих общественных сфер (включая сферу межличностных отношений); подозрительным отношением к социальным начинаниям, воспринимаемым как репрессивные, пагубные или, более того, заведомо провальные; нарастающим восприятием индивидом неаутентичности, «иллюзорности» собственной жизни, строящимся на увеличении в культуре симулятивной составляющей.

В социальности, организованной по принципу игры разных смыслов, попросту невозможно существование однозначных моральных, эстетических, эпистемологических и тому подобных критериев. Можно сказать, что указанная пространственная организация влечет за собой девальвацию «золотого эталона» – по-своему стабильных и надежных правил организации – и, как следствие, провоцирует дискурс в духе Ж. Бодрийяра: в ходу оказывается терминология, которая задействует метафоры «дрейф», «флуктуация», «зыбкость» [4].

Все вышесказанное позволяет предположить, что применительно к постсовременности любой разговор об истине затруднен, во-первых, в силу переизбытка информированности, а во-вторых, по причине того, что сама реальность настойчивым образом «фабрикуется» и представляет собой очередную симуляцию. Медиареальность предлагает картину мира, перенасыщенную разного рода образами, но образами без содержания. Такая перенасыщенность сознания информацией, знаками, образами и невозможность их отбора рождает амбивалентность в восприятии индивидом действительности. Он вынужден перманентно примерять на себя, поддерживать и изменять в каждый момент времени множественные и, чаще всего, противоречивые матрицы идентичности. Указанный горизонт выступает средой для формирования субъекта с особым типом мироощущения. Такого субъекта следует охарактеризовать через определенную структуру его сознания, которую вслед за П. Слотердайком мы можем назвать «цинизмом». П. Слотердаик разоблачает каждого индивида как «циника» в том смысле, что каждый из нас является

носителем «расколотого», «разорванного» и «несчастливого» сознания созданного усилиями Просвещения, чьи установки не оправдали себя в глазах современного индивида [5]. Зная и усвоив гуманистические установки, он предпочитает отвергать их в угоду собственным эгоистическим соображениям. В этом смысле пущенные в ход адаптивные стратегии находят свое отражение в репрезентации событий социальной действительности, в том, каким социальный мир предстает наблюдателю. Следует заметить, что циническое сознание в данном развороте – это сознание субъекта, который нашел в себе силы и возможности встроится в логику социальной активности при указанных условиях. Современный субъект пытается отыскать способы своего осуществления в сложившейся ситуации и циническая установка сознания во многом является ответом на комплекс разворачивающихся перед индивидом проблем.

Субъект, о котором идет речь, испытывает постоянное давление со стороны *общественного* – макросоциальных институтов, культуры в ее нормирующей ипостаси и информационной среды в последнее время все в нарастающей степени: так артикулирует себя постоянное усложнение наличного социального бытия. Необходимость адаптироваться к меняющимся условиям сосуществования-с-другими вынуждает субъекта прибегать к посильным средствам адаптации, призванным защитить в первую очередь психоэмоциональную сферу индивида. С. Жижек в своем имеющем пересечение с философской дискуссией кинопроекте «Киногид извращенца: Идеология» (2012) указывает, что современное сознание вряд ли способно вернуться к тому типу естественности и наивности, которому оно когда-то принадлежало и который безвозвратно утрачен. Оно цинично именно в силу того, что знает о скрытых механизмах своего функционирования, но не собирается ничего с этим делать. Таким образом, сформировалось мироощущение травмы, которое легло в основу современного видения мира, с его критическим отношением к возможностям познания реальности, достижения истины и устойчивых ценностных ориентиров.

Можно утверждать, что цинизм является особой «компенсаторной» разновидностью такого «несчастливого» сознания и, как следствие, реализует особые адаптивные стратегии в горизонте цинической установки. Следует обратить внимание, что амбивалентность установок современного субъекта заключается и в том, что наряду с уклонением от необходимости как-то действовать у современного субъекта можно отчетливо проследить потребность в обретении устойчивого основания, требуемого для внятной идентификации и легитимации знания в ситуации гиперинформированности. Таким образом, циническая установка сознания создает особые условия для познания и отношения к знанию.

Для иллюстративного описания современного состояния взаимоотношений субъекта с такими понятиями, как «информация», «истина» и «знание», можно обратиться к показательному феномену «постправды» – концепту, проблематизированному в социально-эпистемологических исследованиях последних десятилетий. Если адресоваться к определению, данному в Оксфордском словаре, то «постправду» можно определить как «обстоятельства, в которых люди реагируют в большей степени на чувства и убеждения, нежели на факты» [6]. С. Фуллер, в работе «Постправда: Знание как борьба за

власть» позиционирует всю современную эпоху как эпоху «постправды» и указывает, что для того, чтобы добраться до «истины», скрытой среди множественных полей неистинного, нужно проверить минимум три аспекта информации. Сюда входят: проверка истинности предложений, в которых сформулирована информация, затем уточнение полноты информации, которую они содержат и, наконец, контроль добросовестности источника этой информации [7]. В условиях современной тотальной информатизации такая проверка практически невозможна или оказывается настолько затратной, что субъект предпочтет отказаться от нее. В такой ситуации «мнение» или «убежденность», в основании которых лежит установка на то, какие эмоции индивид испытывает по поводу полученной информации, оказываются более предпочтительными основаниями для выбора того, что субъект посчитает достоверным, поскольку он не обладает достаточными ресурсами, чтобы разобраться в истоках и источниках постправды. Истину С. Фуллер и вовсе называет не более чем «маской легитимности» [7. С. 17].

В формах познавательной активности, оформленной циническим способом, конституируется особая эпистемическая стратегия постсовременного субъекта – рефлексивная стратегия обращения с информацией в ситуации ризомности и гиперинформированности наличной социальности. Это стратегия понимания, которую современный субъект пускает в ход в ситуации, когда он не уверен в устойчивости оснований для обращения с информацией для определения того, что правомерно и легитимно считать «знанием». Однако рефлексивность современного субъекта имеет специфический разворот, связанный с описанной выше травмированностью сознания.

Ф. Джеймисон отмечает, что современный субъект живет в вечном настоящем, лишенном прошлого и будущего [8], – индивид, страхась столкнуться с последствиями своих действий, разбивает время на серию завершенных «настоящих». Тем самым Ф. Джеймисон указывает на современного субъекта как на субъекта мифологического, дорефлексивного, в известной мере отлученного от собственной критической способности. Хотя, благодаря цинической установке сознания, тот же субъект получает в свое распоряжение дополнительный критический навык. Такого рода рефлексивность можно обозначить как «избирательную» – что-то ускользает от рефлексии, в то время как что-то другое воспринимается им обостренным образом, исходя из соображений удобства и психологического комфорта.

Таким образом, эпистемическая стратегия цинического субъекта одновременно рефлексивная и адаптивная (эмоциональная). Сознание современного субъекта – это сознание, которое и противостоит миру, и стремится встроиться в него. Отсюда и амбивалентность познавательной стратегии сознания, которое воспринимает классическое понимание «знания» как репрессивное и подозрительно относится к любому устойчивому утверждению, но вместе с тем стремится создать для себя хоть сколько-нибудь однозначные формы «легитимации» знания для отделения той части информационного поля, которую можно позиционировать как «соответствующую действительности-для-индивида».

Ж. Бодрийяр указывает на то, что в культуре воспроизводится господствующий код, который и выступает в качестве универсального закона ценности [4]. Таким организующим постсовременность кодом выступает «по-

требление», за которым следует модель «человека-потребителя». Данная модель выступает в качестве усредненной, приемлемой и вписывающейся в установки современности, потому цинический субъект примеряет данную модель на себя, не желая противопоставления с социумом. Тем не менее подобная модель воспринимается циническим субъектом как «навязанная извне» общественными установками.

Информация также становится одним из элементов «потребления», входящим в горизонт повседневного действия индивидов, но потребления, проходящего через фильтр «избирательной рефлексивности», которую демонстрирует такой субъект. Предпримем попытку концептуализировать эпистемическую стратегию, которую реализует для себя современный цинический субъект.

В работе «Исследования по этнометодологии» Г. Гарфинкель утверждает, что в основании всех повседневных взаимодействий можно обнаружить особые «фоновые ожидания», которые организуют эти контакты на всех уровнях. Поскольку потребление информации циническим субъектом тоже организовано в повседневном поле такого взаимодействия, то в основании его обращения с ней лежат особые фоновые ожидания, которые конституированы травматическим, несчастным сознанием постсовременного субъекта. Аналитически реконструируя стратегию действия цинического субъекта в социуме, можем описать ее следующим образом: зная и добровольно принимая стереотипные формы поведения, предписанные сложившимся социальным порядком, он стремится и способен внутренне дистанцироваться от них, убеждая себя в том, что прекрасно понимает скрытые механизмы взаимодействия. Таким образом, фоновыми ожиданиями цинического субъекта являются подозрительность и недоверие в отношении скрытых мотивов действий Другого.

Отношение цинического субъекта к действительности путем разворачивания адаптивных стратегий можно описать как видимым образом явленный модус деконструкции. Заимствуя понятие деконструкции, будем трактовать его как упрощение и видоизменение социальной реальности до того состояния, в котором индивид, носитель современного несчастного, травмированного сознания, способен существовать с минимальными психоэмоциональными затратами. Примечательна мысль П. Слотердайка, который указывает на то, что цинический субъект склонен будет делать выбор в пользу даже идеологии осознанного самообмана и искажения контекстов, если это позволит ему сохранить свою устойчивость.

В сфере эпистемического деконструкция заявляет о себе как создание собственного «рассказа» на основании убежденности в иллюзорности и неаутентичности любых внешних себе оснований. Вопрос «что есть знание» для цинического субъекта трансформируется в вопрос «что я могу считать знанием» или «что мне удобно считать знанием». Цинический субъект конструирует понимание «истины-для-себя» исходя из того контекста, в котором происходит взаимодействие в конкретном акте восприятия информации. Это можно зафиксировать с помощью этнометодологического анализа, предложенного Г. Гарфинкелем. Г. Гарфинкель обнаружил, что в каждом случае обыденного праксиса присутствует обеспечивающий целостность порядок. Такой порядок опирается на то, как субъекты конституируют для себя соци-

альный мир изнутри повседневной жизни [9]. Думается, цинизм выступает условием успешного социального взаимодействия в описанном нами контексте постсовременности. В этом случае цинизм является своего рода account социальной ситуации – способом ее описания и рефлексивной сборки. Иначе говоря, цинизм может выступать основанием, на котором субъект создает новое «поле смысла».

Таким образом, социальный мир, который выстраивает вокруг себя циник, это результат деконструктивного усилия, это упрощение как общественного, так и личного мотива, социальной нормы, психологической установки с целью избежать ответственности и минимизировать траты психоэмоционального ресурса. «Знание» как элемент современной социальности в его конвергенции к понятию «информация» так же становится частью этого деконструирующего усилия. Для описанного субъекта значение приобретают не столько онтологические статусы таких понятий, как «истина» или «ложь», сколько ясность и определимость этих установок для него самого.

Субъекта можно назвать актором нормативного построения собственных социальных практик, которые позволяют ему принимать решения и выстраивать процесс своего познания. Представление о знании у такого субъекта может расплываться и реконструироваться, поскольку он не будет проводить дифференциацию между информацией, знанием и мнением. Таким образом, понятие «знание» может для него становиться синонимичным понятиям «удобный», «уместный», «подходящий» и приемлемый, запуская своего рода «игру в знание». Тогда как сама «циническая» установка будет выступать основанием легитимации знания, а самого себя субъект будет рассматривать как обладателя устойчивого критерия «истины» – фундаментального знания о скрытых мотивах в действиях Другого.

Список источников

1. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / пер. с нем. Г.Г. Шпета. М.: Наука, 2000. 495 с.
2. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. с фр. С.Н. Зенкина. СПб.: Алетейя, 1998. 286 с.
3. Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
4. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / пер. с фр. С.Н. Зенкин. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
5. Слотердайк П. Критика цинического разума / пер. с нем. А.В. Перцева. Екатеринбург; У-Фактория; М.: АСТ МОСКВА, 2009. 800 с.
6. Oxford Learner's Dictionaries. Available from: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (accessed: 05.05.2022).
7. Фуллер С. Постправда: Знание как борьба за власть / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Смирнова. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2021. 368 с.
8. Джеймисон Ф. Постмодернизм и общество потребления // Логос. 2000. № 4. С. 63–77.
9. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007. 335 с.

References

1. Hegel, G.W.F. (2000) *Fenomenologiya dukha* [The Phenomenology of Spirit]. Translated from German by G.G. Shpet. Moscow: Nauka.
2. Deleuze, J. & Guattari, F. (1998) *Chto takoe filosofiya?* [What is philosophy?]. Translated from French by S.N. Zenkin. St. Petersburg: Aleteyya.
3. Lyotard, J.F. (1998) *Sostoyanie Postmoderna* [Postmodern Condition]. Translated from French by N.A. Shmatko. St. Petersburg: Aleteyya.

4. Baudrillard, J. (2000) *Simvolicheskiy obmen i smert'* [Symbolic Exchange and Death]. Translated from French by S.N. Zenkin. Moscow: Dobrosvet.
5. Sloterdijk, P. (2009) *Kritika tsinicheskogo razuma* [Critique of Cynical Reason]. Translated from German by A.V. Pertsev. Yekaterinburg: U-Faktoriya.
6. *Oxford Learner's Dictionaries*. [Online] Available from: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (Accessed: 5th May 2022).
7. Fuller, S. (2021) *Postpravda: Znanie kak bor'ba za vlast'* [Post-Truth: Knowledge as a Struggle for Power]. Translated from English by D. Kralechkin. Moscow: HSE.
8. Jamison, F. (2000) Postmodernizm i obshchestvo potrebleniya [Postmodernism and consumer Society]. *Logos*. 4. pp. 63–77.
9. Garfinkel, G. (2007) *Issledovaniya po etnometodologii* [Studies in Ethnomethodology]. Translated from English. St. Petersburg: Piter.

Сведения об авторе:

Гукова А.В. – кандидат философских наук, старший научный сотрудник лаборатории логико-философских исследований, Томский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук (Томск, Россия). E-mail: angelina.gukovaa@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Gukova A.V. – Cand. Sci. (Philosophy), senior researcher, Laboratory of Logical and Philosophical Research, Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation). E-mail: angelina.gukovaa@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 04.04.2022;
одобрена после рецензирования 07.06.2022; принята к публикации 11.07.2022
The article was submitted 04.04.2022;
approved after reviewing 07.06.2022; accepted for publication 11.07.2022*